

К. А. Ярушина

Брачная стратегия как элемент современной гендерной культуры

Статья посвящена исследованию одного из феноменов гендерной культуры современных горожан – брачной стратегии. Основой работы являются материалы полуформализованных интервью молодых семей города Перми, представляющих собой 13 кейсов – подробных описаний свадебного торжества, предшествующих ему событий и элементов семейной повседневности. С точки зрения гендерной теории, полученные материалы были распределены по нескольким типам брачных стратегий в зависимости от предъявляемых гендерных идентичностей информантов. В частности, текст фокусируется на рассмотрении двух кейсов – примеров воплощения перверсивной брачной стратегии. Суть данной стратегии заключается в доминировании женского гендера в matrimониальных практиках и последующей семейной жизни. Формой презентации стратегии являются нарративы, т. е. последовательное изложение ключевых брачных и семейных практик молодых людей, подкрепленных их комментариями. Первый нарратив представляет собой «мягкий» вариант перверсивной брачной стратегии, поскольку активность героини ретушируется ее исполнением «традиционной» женской роли, а именно готовностью заниматься домашним хозяйством и пользоваться материальными ресурсами мужа. Герои нарратива обладают «полярными» чертами характера, а также демонстрируют поочередное установление правил по отношению друг к другу. Второй нарратив характеризуется «жестким» вариантом перверсивной брачной стратегии. В этой истории мужчина ожидает похвалу, одобрение его поступков, а героиня склонна драматизировать ситуации и исполнять «ведущую» роль в отношениях, контролируя жизненный мир супруга. Рассмотренные нарративы не только реконструируют две версии перверсивной брачной стратегии, но и иллюстрируют одну из возможных моделей современной гендерной культуры.

Ключевые слова: модель культуры, гендерная идентичность, брачная стратегия, семья, городская среда, кейс-стади, нарратив

Ksenia A. Jarushina

Marriage strategy as a part of modern gender culture

The article is devoted to a consideration one of the phenomenon gender culture modern citizens – the marriage strategies. This work is based on materials of semi-structured interviews with young Perm's families. The information received is 13 case-studies – detailed stories about a marriage choice, a marriage party and elements of family's daily life. Using the theory gender study and case-study the author divided that materials into some groups of marriage strategies. Criteria of this operation were features of a respondent's gender identifications. This paper considers a perversion marriage strategy. The type of strategy understood as a woman's gender domination in matrimonial practices in further marital life. And then the author describes two cases illustrating it. A narrative is the form of the strategy's presentation. This is a storytelling of major marriage practices of characters with their comments. The first narrative describes a «soft» variant of the perversion marriage strategy. An initiative of a woman combines with her performance a traditional «woman's» role: she does housework and uses man's material resources. The characters have contrast personality traits. They take turns setting the rules in the relationship and sometimes objectify each other. The second narrative shows a «hard» variant of the perversion marriage strategy. In this story man has a need for the approval of his actions and a woman has it too. Also, she has tendencies to dramatize. The woman plays a leading role in a relationship. She controls a man's lifeworld and lets him take minor decisions. Both narratives reconstruct two versions perversion marriage strategy and show one of the potential model modern gender culture.

Keywords: model of culture, gender identify, marriage strategy, family, city, case-study, narrative

DOI 10.30725/2619-0303-2021-2-106-112

Фридрих Шиллер полагал, что «человек отражается в своих поступках». Но что скрывается за этими поступками? Предлагаем обратиться за ответом к теории и практике гендерных исследований. Рассмотрим, как гендерная идентичность, интерпретируемая в рамках культурной антропологии, воплощается в брачных стратеги-

ях молодых пар. Рассуждая в ключе гендерной теории, внесем коррективы в высказывание Шиллера: «в поступках человека отражается гендер».

Границы исследования

У понятия «гендер» существует три основных теоретических контекста использования:

структурно-функциональный анализ, теория социального конструирования и институциональный подход [1, с. 12–13]. В статье «гендер» рассматривается в фокусе социального конструирования как «повседневный мир взаимодействия мужчины и женского, воплощенный в практиках, представлениях, предпочтениях бытования» [2, с. 16]. Сущность гендера – перформативная, т. е. формирующая идентичность [3, с. 328]. Гендерная идентичность является фундаментальным чувством принадлежности к определенному полу [4, с. 42].

Помимо этого, она включает в себя понятие гендерной роли – набора культурных ожиданий, определяющих модели поведения, которым должны следовать представители каждого пола [5, с. 167]. Гендер не только создается индивидуально, но и может переопределяться – содержание гендерной идентичности наполняется новыми смыслами и значениями в течение жизни [6, с. 170–172].

Рассмотрим гендерную идентичность через призму культурологического знания, обратившись к понятию «модель культуры», под которой понимается устойчивая форма поведения, принятая в определенном сообществе и применяемая в определенных ситуациях. Модели культуры всегда репрезентуются публично и аутентично, создавая целостный образ мира и человеческой жизни [7, с. 273–274]. Данное понятие раскрывается посредством следующих элементов: социокультурный институт, артефакт, система ценностей, норм и мотиваций, ритуалы. В статье повествование фокусируется на институте семьи и брака, где основным артефактом является кольцо, а ритуалы представляют собой последовательное исполнение практик знакомства, ухаживания, предложения и подготовки к свадьбе.

Содержание системы ценностей, норм и мотиваций определим позже, поскольку оно коррелирует с особенностями гендерной идентичности молодых семей в рассматриваемых сюжетах. Целью работы является описание брачной стратегии как элемента современной городской гендерной культуры.

Под брачной стратегией или брачным отбором понимается последовательность действий, направленных на удовлетворение потребности в браке. В отечественной культуре результатом брачной стратегии является выбор единственного партнера, который становится мужем или женой [8, с. 150].

Интерес к изучению ценностей и норм брачной жизни обусловлен трансформацией института семьи и брака в современном российском обществе. Отечественные исследования в этой

области касаются как масштабных тем (матримонильного поведения молодежи [9] или идеальной модели семьи [10]), так и особенностей брачно-семейных отношений в конкретных населенных пунктах: Екатеринбурге [11], Астрахани [12], Перми [13].

На наш взгляд, во многих исследовательских проектах ускользает повседневность – практическое и смысловое поле деятельности, где разворачиваются «брачные игры». Особенностью данной работы является исследование брачных практик молодых семей, а также «рассмотрение интерактивных конструкций повседневности, где прослеживаются микропроцессы doing gender» [14, с. 171].

Источниковой базой исследования являются материалы полужформализованных интервью, полученных в ходе опроса молодых семей города Перми в 2018–2020 гг. Полужформализованное интервью использовалось, «чтобы понять мир с точки зрения собеседника» [15, с. 13]. Оно предъясвляет рассказчика в качестве «эксперта собственной реальности, в которой конструируется мир опыта, значений и смыслов» [16, с. 65].

Для корректной работы с подобной информацией необходимо учитывать биографические данные респондента – ситуации и процессы, сформировавшие смысловые структуры личности. Интервьюирование «дает ключ к внутреннему миру человека, к исследованию глубинных мотивов его поступков, а также позволяет лучше понимать природу социальных процессов» [17, с. 23].

В ходе проведения исследования было опрошено 13 семей (26 человек), которые были выбраны по следующим критериям: место жительства (Пермь), возраст (не более 30 лет), время нахождения в зарегистрированном браке (не более 3 лет) и наличие свадебного торжества как условия нормализации гендерных и сексуальных отношений.

Подготовка к свадьбе и сам ритуал являются эмоциональными воспоминаниями, которые позволяют выявить особенности отношений в молодой паре. Поэтому гайд интервью строился вокруг обсуждения свадебного обряда, далее располагались тематические блоки: подготовка данного события и выбор партнера. Интервьюирование проводилось последовательно – отдельно с мужчиной и отдельно с женщиной, респонденты не слышали ответы друг друга. Далее было сформировано 13 кейсов, позволивших реконструировать систему ценностей и норм семейных пар.

В качестве приема второго уровня, к методу полужформализованного интервью добавился инструмент кейс-стадис. Он подобен «увеличи-

тельной лупе, при помощи которой можно разглядеть в деталях единичные явления или события» [18, с. 68]. Главной функцией кейс-стадис является объяснение общих социальных процессов на основе интенсивного и детального анализа отдельных кейсов, которые могут сравниваться друг с другом [19, с. 67]. Основанием для сравнения кейсов являлось содержание брачной стратегии каждого случая, т. е. модель поведения и практики информантов, в которых воплотились их гендерные идентичности. Одной из обнаруженных брачных стратегий – перверсивная стратегия. В рамках статьи данная стратегия характеризуется присвоением женщиной чужих (противоположных) ролей и моделей поведения. Доминирование женского гендера прослеживается на разных стадиях отношений партнеров, в которых представительнице «слабого пола» свойственны практики установления норм и регуляции поведения партнера.

Обнаруженный тип брачной стратегии будет рассмотрен на примере двух кейсов, материалы которых представлены в виде нарративов, в которых информанты конструируют прошедшие события и действия, чтобы утверждать идентичности [20, с. 6].

Представление информации в такой форме дает возможность увидеть, как респонденты «говорят собственным голосом, строя повествования на собственном языке» [21, с. 11]. Каждый нарратив отражает основные этапы отношений респондентов: выбор партнера, решение жить вместе, «предложение» и подготовка к свадьбе. Отметим: поскольку нарративы разные, они отличаются глубиной описанных сюжетов.

Нарратив 1. «У нас в семье финансовую нагрузку несет только мужчина»

Нарратив представляет собой историю мужчины (30 лет, образование высшее) и женщины (29 лет, образование высшее), далее в тексте будут использоваться обозначения В. и А. соответственно. Респонденты воспитывались в семьях, индифферентных к религии: В. – в полной семье, А. – в неполной семье. В. и А. прошли социализацию типичного горожанина: детский сад – школа – вуз). Герои познакомились на теннисном корте. В. недавно защитил кандидатскую диссертацию, поэтому «появилась возможность больше времени уделять спорту, мы встретились с А., я подошел...». А. более полно описывает это знакомство: «Мне сказали, что В. на меня смотрит. Я начала с ним здороваться, говорить: Как дела? Ты квартиру купил? Ты работаешь? Ты кандидат наук?».

В перечисленных вопросах отражаются привлекательные для женщины социальные маркеры мужчины: собственная недвижимость,

работа и ученая степень. Акцент делается на престижных атрибутах, которые имеют значение при выборе партнера.

Можно допустить, что героиня интересовалась и другими сферами, но в момент интервью были озвучены лишь эти вопросы, что подтверждает наше предположение об их значении. Уточним, что в автобиографических конструкциях люди структурируют опыт восприятия, организуют память, сегментируют и целенаправленно строят каждое событие в жизни [20, с. 6].

Рассмотрим описание самого знакомства – оба героя представляют себя в качестве инициаторов действия. Однако инициатива исходила именно от женщины, подтверждением ее ведущей роли является артикуляция правил поведения на этапе близкого знакомства. Героиня рассказала о совместных теннисных партиях и на вопрос «Заезжал ли В. за тобой на машине?» ответила так: «Конечно, да. Хочешь со мной играть? Приезжай, отвози, привози, плати¹. Я по-другому не рассматриваю». Мы видим проявление достаточно традиционной культурной установки – объективации. А. предъясняет себя в качестве пассивного объекта, и чтобы провести с ней время, субъекту необходимо создать определенные комфортные условия. Это своеобразный символический обмен свободного времени и общения героини на блага, подкрепленные ресурсами. Теннисный корт в этой ситуации наделяется новым смыслом и превращается в место не для спортивной игры, а в площадку для реализации заданной брачной стратегии. Женщина действовала в соответствии со сложившимся культурным стереотипом: успешные и обеспеченные мужчины должны на досуге заниматься привилегированным видом спорта. А. сознательно посещала место, где существует вероятность встретить мужчину высокого статуса.

Следующий эпизод, иллюстрирующий объективацию героини, связан с началом совместного проживания. В. рассказал, что «через полгода² забрал А., ну перевез ее к себе». А. дополнила: «Я сама вещи не собирала, он собирал. У меня было такое: ну это ведь тебе надо». Если ранее героиня сама себя объективировала, то сейчас эта культурная установка воплотилась в практиках героя, выраженных словами «забрал, перевез».

Обратимся далее к кульминации добрачных отношений – предложению зарегистрировать брак. В. вспоминает: «Предложение я делал, исходя из того, что это важно для А.». Героиня подтверждает: «Я говорила: В., ты как бы не желаешь? Я веду себя как жена – все делаю, ты

¹ Т. е. оплачивай аренду теннисного корта. – Прим. авт.

² Полгода отношений. – Прим. авт.

ведешь себя как муж...». В словах А. с помощью манипулятивного выражения – «я веду себя как жена» – отражается стремление услышать заветное предложение.

Примечательно, что само предложение было озвучено в момент болезни героини. В. рассказывает: «я ей сделал предложение, сказал, что хочу, чтобы мы с тобой были всегда, цветов принес, чтобы она быстрее поправлялась».

Обратим внимание на саму ситуацию: во время болезни героиня не так инициативна. Именно поэтому, выбрав данный момент, герой демонстрирует собственные ведущие позиции. Использование для выздоровления героини цветов, а не лекарственных препаратов можно интерпретировать как повышенное внимание и заботу. Однако мы склонны трактовать этот жест иначе. Так проявляется инфантильность героя, т. е. несоответствие поведенческих реакций контексту ситуации.

Подобный образец поведения В. наблюдается и на этапе подготовки свадебного торжества. Рассмотрим его слова о покупке одежды: «..мы пришли с А. в магазин, я привык в этом вопросе полагаться на мнение А., мне было так проще и комфортней».

В данной ситуации проявляется еще одна стратегия, свойственная отношениям героев и выраженная во взаимодействии ролей матери и ребенка. Комментарий А. «одежду ему покупаю я» воплощает исполнение героиней роли матери по отношению к В.

Перечисляя другие организационные моменты, герой использует в своих высказываниях местоимение «мы», тем самым показывая свою причастность к принятию решений относительно свадебного торжества: «мы решили от торта отказаться», «мы изначально решили сосредоточиться на этом месте». В. объясняет, что «А. несколько раз рассказывала, как бы она этого хотела. Я с ней во многом соглашался». Поэтому можно сделать вывод о том, что участие героя в принятии решений носило номинальный характер. «это мероприятие – по сути моя идея», – комментирует А.

Несмотря на то, что В. сознательно отстранился от «свадебных мелочей», он нес ответственность за самую важную составляющую будущего торжества – финансовую сторону: «Я в организации по минимуму участвовал, только занимался финансовой частью». А. тоже отметила, что это «неоценимый вклад» и добавила: «у нас в семье финансовую нагрузку несет только мужчина. Я зарабатываю на мои тренировки, развлечения и красоту. Если мне не хватает, я прошу у В.». Одновременно с принятием такой установки герой осуществляет символический

обмен: роль «кормильца» семьи обменивается на роль «покорной хранительницы домашнего очага». В подтверждение этому тезису обратимся к высказываниям героини: «Мы смотрим только то, что он хочет. Я теперь смотрю все про спорт»; «У В. всегда есть салат, горячее. На обед я ему оставляю еду, чтобы он покушал».

В отношениях удалось обнаружить еще один символический обмен. Эмоциональная атмосфера дома, создаваемая героиней, «обменивается» на принятие героем определенных правил поведения. А. рассказывает, что «ему главное, чтобы у меня было хорошее настроение, я отдаю кучу энергии, веселости», поэтому использование В. этих эмоциональных ресурсов осуществляется по принципу взаимопоставления определенных практик. Героиня рассказала о правиле («вечер я должна проводить с мужем»), регулирующем не только собственное поведение, но и практики В.

Закончим рассмотрение нарратива обращением к характеристикам героев. Описывая привлекательные черты партнера, действующие лица раскрывали собственный характер, строя повествование по принципу противопоставления. А. – «эмоциональна, энергична, человек-действие, а В. другой. Он абсолютно спокойный. Мне нравится его рассудительность, надежность, уверенность в себе». Рассуждая о чертах А., герой отмечает: «мне нравится, но где-то ставит в тупик ее желание планировать свою деятельность, я – плывущий по течению человек, медлителен, она слишком торопится. Наши характеры идеальны друг для друга».

Нарратив 2. «Как мне надо, значит, и ему надо»

Нарратив 2 представляет собой историю мужчины (26 лет, образование высшее) и женщины (26 лет, образование высшее), далее в тексте будут использоваться обозначения И. и П. соответственно. Респонденты воспитывались в полных семьях индифферентных к религии. И. и П. прошли социализацию типичного горожанина: детский сад – школа – вуз.

Знакомство героев состоялось в 2009 г., в момент общения И. с подругой П.: «П. с нами все гуляла... я понял, что мне интересней с ней, а не с ее подругой». Позже герой прекратил общение с этой девушкой и начал активно контактировать с П. «Мы часто эту тему поднимаем – как так мы стали встречаться?!» – комментирует начало отношений П. Ее удивление выражается в репликах: «я не такая загадочная, у меня не было широкого кругозора, я сидела дома... у меня был фетиш на молодых людей, я их боялась. И. – первый молодой человек, с которым я встречалась». Описание себя словами с отрицательными коннотациями символизирует о наличии комплексов героини, в

частности, неуверенности. Поэтому потребность в обсуждении начала отношений исходила именно от нее, а высказывание «мы часто тему поднимаем» после раскодирования звучит так: «я часто эту тему поднимаю».

Дополнительным аргументом, подтверждающим ход наших мыслей, является отсутствие комментариев И. на эту тему. В словах П. происходит конструирование своего образа – девушки, ведущей уединенный образ жизни, непорочной и склонной к драматизации («я раньше была истеричкой, скандалы устраивала, вредная была, а с появлением И. я поменялась»). Несмотря на то, что речь идет об особенностях характера П., проявляемых в пределах родительского дома, аналогичные поведенческие паттерны героини будут проявляться и в отношениях с И.

Эпизод, показывающий склонность к драматизации П., связан с разговором о совместном проживании. Предпосылкой для диалога послужила сцена героини, разыгранная в машине И.: «я в слезы кинулась: так больше не могу: либо мы живем вместе, я смогу тебя видеть и совмещать и работу, и учебу, и тебя. Он сказал: да, давай». «Мужская» интерпретация ситуации несколько иная: «она просто устала, эмоции начались... и я: ну давай жить вместе...». Отметим: беседа по данной теме происходила в условиях эмоционального напряжения, которые были созданы П. Примечание героини – «мы уже к этому шли, но это была какая-то точка, решающая», – говорит о ее контроле и анализе отношений.

Прожив вместе несколько лет, герой решает сделать П. предложение «руки и сердца». Героиня вспоминает: «я долго мозг выносила ему по жесткому, но мы были не готовы в материальном плане... я устроилась на работу, через полгода он сделал предложение». Герой же объясняет свои действия с нескольких точек зрения: социальная мобильность (стремление «статус поменять в семье уже») и осознанность («я знал, что надо жениться, мы жили 1,5 года вместе, пора идти на следующий этап – свадьбу, семью»). Вновь слова героев противоречат друг другу. И. приписывает переход на новый этап отношений себе, а П. связывает это с собственным вкладом и появлением дополнительного источника дохода. Вместе с тем в их комментариях есть нечто общее. И. отмечает: «для П. это важно, я почувствовал, что ей это нужно». Таким образом, именно активность П. являлась мотивацией к действиям И. С этой точки зрения, герой сознательно не говорит о влиянии П. («мы не разговаривали об этом, но зная других наших знакомых, она уже хотела свадьбу»), поскольку упоминание этого компрометирует, лишает его традиционного «мужского» образа.

Восстанавливая череду предшествующих событий, герой сообщает об обсуждении этого решения с собственной матерью («она поддержала меня») и отцом будущей супруги («я хотел, чтобы он был в курсе, он отец, должен знать... было одобрение, улыбка»). В действиях И. отражается ориентация на представления о нормативном поведении в соответствии с каноном «пошениа руки» девушки у ее отца, а также стремление получить поддержку со стороны, что символизирует о неуверенности героя. Воспроизводство данного обряда отсылает к представлениям И. о «правильном» поведении: мужчины договариваются между собой о будущем рода.

Следующий этап отношений – процесс подготовки свадебного торжества охарактеризуем словами героини: «Нам с ним повезло: чтобы я ему не предложила – ему все нравится, у нас один вкус». И. «всегда соглашался, все делал», поскольку «как мне надо, значит, и ему надо». Слова героини обнажают ее склонность к авторитарному стилю поведения, которому присуща единственная верная точка зрения – ее собственная. Поэтому П. остро реагирует на ситуацию, в которых что-то идет не по ее плану. В процессе подготовки свадебного торжества И. настоял на двух незначительных деталях: количестве видеографов («я сказал, что будет один, а она обиделась») и на стиле обручальных колец («я хотел классику, без гравировок, П. что-то другое, но я настоял, мы взяли одинаковые»).

Героиня также отмечает в характере И. стремление делать что-то наперекор ей. Это отражается в выборе значимых дат («я говорила, что не хочу предложения в один день с каким-то праздником, а он 31 декабря сделал») или в просмотре фильма («есть ссоры, когда он говорит: посмотрим этот фильм, а я говорю – нет. А он из вредности включает»). В подобных ситуациях, на наш взгляд, кроется стремление И. восстановить гендерное равновесие в паре. Несмотря на то, что перечисленные практики не являются стратегически значимыми, через них реализуется вербальное стремление героя следовать патриархальной традиции. В практической же плоскости наблюдается принятие героем «ведущих» позиций П. Рассмотрим описание героиней процедуры ремонта: «уголок в ванной должен быть таким. И. слышит это, и пойдет работникам говорить, что надо так. Я тут дала наставление – и он идет. Нет такого, что ему это не нравится, я говорю, что надо – иди, делай». В этом эпизоде вновь проявляются характерные черты отношений данной пары: принятие героем главенствующей роли П., а также замещение П. личного местоимения «я» на множественное «нам». Следуя за логикой высказывания, становится понятно, что для П. яв-

ляется нормой не только восприятие героем ее мнения, но и исполнение желаемых ей практик.

Завершая описание нарратива, обратимся к характеристикам героев, которые не были обозначены ранее. Описывая положительные черты характера П., И. отмечает свое собственное эмоциональное состояние – «Мне с ней спокойно, надеюсь, ей со мной также уютно». Такой комментарий указывает на наличие в характере И. инфантилизма. Ему комфортно в ситуациях делегирования П. ответственности в принятии значимых решений для их совместной жизни. Эта модель поведения происходит из детства, героиня отмечает, что мать И. – «кремень, стержень... сказала, значит, надо. И вот я такая же».

Представленные нарративы являются примерами перверсивной брачной стратегии. Но в то же время, оба случая демонстрируют наличие разных тактик – способов реализации стратегии, характеризующихся различной степенью проявления «женской» доминанты. Для первого нарратива характерен «мягкий» вариант перверсивной брачной стратегии, в нем «ведущая» роль героини более скрытая, местами не отрефлексированная. Она совмещает в себе две противоположных модели поведения – следование патриархальной традиции (пользование материальными ресурсами героя и подчинение установленным им правилам) и собственное доминирование в отношениях. Также доминанта героини выражается в культурной инсценировке – проигрывании роли матери по отношению к герою. Презентация данной роли происходит в практиках приготовления пищи и покупки одежды для супруга.

Второй нарратив воплощает более «жесткий» вариант перверсивной брачной стратегии. В этом случае героиня обладает безусловным авторитетом в отношениях: она не только устанавливает правила поведения, но и контролирует повседневные практики мужчины. Важной деталью этого нарратива является вербальное следование героем патриархальной традиции, а также наличие у действующих лиц потребности в эмоциональной поддержке.

Опишем перверсивную брачную стратегию в качестве элемента современной гендерной культуры. Социокультурный институт, артефакты и ритуалы как составляющие модели культуры были обозначены ранее, поэтому сконцентрируемся на ценностях, нормах и системе мотиваций героев нарративов.

На основе полученной информации сделаем вывод о ценности семьи, которая в то же время наделяется разными смыслами. Для женщин семья – это материальное обеспечение супругом (А.) и выполнение им желаний (П.). Для мужчин семья – это комфортная обстановка

дома, в том числе выполнение «традиционных» женских обязанностей. Основной нормой, объединяющей героиню, является единоличное принятие решений и готовность использовать манипулятивные приемы для желаемого результата. Мужчины, в свою очередь, готовы принимать «правила» женщин и полагаться на их мнение в решении проблем. Мотивационные установки героев обусловлены поведением, характерным для традиции своих семей. А. воспитывалась в неполной семье, поэтому она воспроизводит поведенческую модель своей матери. И. воспитывался в семье, где ведущая роль исполняется матерью, поэтому он переносит в собственную семью привычную для себя модель поведения.

Таким образом, перверсивная брачная стратегия как элемент современной гендерной культуры проявляется на уровне повседневных практик: женщины занимают или стремятся занять ведущую роль в семейных отношениях. Представительница перверсивной брачной стратегии обладает активным, инициативным характером, она предприимчива и способна нести ответственность за принятые решения. В характере представителя данной брачной стратегии присутствует инфантилизм, он готов исполнять роль сына по отношению к супруге. Мы считаем, что инсценировка в паре семейных ролей «мать – сын» является переходной формой к межгендерной перверсии.

Список литературы

1. Тартаковская И. Н. Гендерная социология. М.: ООО «Вариант», при участии ООО «Невский проспект», 2005. 368 с.
2. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования // Здравомыслова Е. А., Роткирх А., Тартаковская И. Н. Российский гендерный порядок: социол. подход: коллект. моногр. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 9–34.
3. Батлер Д. Гендерное беспокойство (гл. 1. Субъекты пола / гендера / желания) // Антология гендерной теории: [сб. пер.] / сост., коммент. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. Минск: Пропилеи, 2000. С. 297–346.
4. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
5. Матвеева К. С. Гендерная идентичность как объект социологического исследования // Вестник Тамбовского университета. 2007. № 6. С. 165–171.
6. Мелков С. В., Кудрина А. В. Представление о гендере и гендерной идентичности в современном психоанализе // Развитие личности. 2016. № 3. С. 165–186.
7. Ионин Л. Г. Социология культуры: учеб. пособие для вузов по направлению и спец. «Социология». 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк. экономики, 2004. 427 с.
8. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи: учеб. пособие для вузов по направлению и спец. «Социология».

М.: Моск. гос. ун-т: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. 303 с.

9. Ростовская Т. К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 46–52.

10. Кучмаева О. В. Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12, № 2. С. 70–82.

11. Антонова Н. Л., Щербакова М. В. Брачный выбор: поворот к рационализации // Дискуссия. 2017. № 8. С. 44–47.

12. Иванова А. А. Гендерные особенности брачно-семейного поведения молодежи (г. Астрахань) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 1 (27). С. 50–58.

13. Гордеева С. С., Зырянова А. Н. Стратегии брачного поведения трех поколений горожан (на примере г. Пермь) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 284–293.

14. Мещеркина Е. Ю. Качественные методы в гендерной социологии // Гендерный калейдоскоп: курс лекций. М.: Academia, 2002. С. 169–187.

15. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.

16. Логунова Л. Ю. Гуманистически-смысловой подход в микросоциологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2, № 2. С. 64–68.

17. Чеховский И. В. Интервью как способ получения информации в качественной стратегии исследовательского поиска // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2009. № 4. С. 20–25.

18. Шпаковская Л. Л. Социальное исключение: возможности социологического изучения с помощью стратегии кейс-стади // Case-study – образовательный и исследовательский опыт в междисциплинарном контексте: сб. науч. ст. по итогам междисциплинар. науч. семинара кадрового резерва «Проблемы и перспективы использования case-study: междисциплинарный опыт», 30–31 мая 2013 г. Санкт-Петербург, 2014. С. 67–87.

19. Козина И. М., Сержкина Е. В. Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 64–73.

20. Ярская-Смирнова Е. П. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.

21. Готлиб А. С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 9–14.

References

1. Tartakovskaya I. N. Gender sociology. M.: LLC «Variant», with the participation of LLC «Nevsky Prospect», 2005. 368 (in Russ.).

2. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Social construction of gender as a methodology of feminist research. Zdravomyslova E. A., Rotkirkh A., Tartakovskaya I. N. Russian gender order: sociology approach: collective monography. SPb.: Publ. house of the European Univ. in Saint-Petersburg, 2007. 9–34 (in Russ.).

3. Butler D. Gender anxiety (ch. 1. Subjects of sex / gender / desire). Anthology of gender theory: [coll. of transl.] / comp., comment. E. I. Gapova, A. R. Usmanova. Minsk: Propylaea, 2000. 297–346 (in Russ.).

4. Kon I. S. Man in a changing world. M.: Vremya, 2009. 496 (in Russ.).

5. Matveeva K. S. Gender identity as an object of sociological research. Tambov University Review. 2007. 6, 165–171 (in Russ.).

6. Melkov S. V., Kudrina A. V. Notions about gender and gender identity in modern psychoanalysis. Development of personality. 2016. 3, 165–186 (in Russ.).

7. Ionin L. G. Sociology of culture: textbook. 4th ed., rev. and add. M.: Higher School of Economics, 2004. 427 (in Russ.).

8. Antonov A. I., Medkov V. M. Sociology of the family: a textbook for univ. in the direction and specialty «Sociology». M.: Moscow state univ.: Publ. house of Intern. Univ. of Business and Management («Karich Brothers»), 1996. 303 (in Russ.).

9. Rostovskaya T. K. Features of matrimonial behavior of the Russian youth. Man in the world of culture. 2015. 3, 46–52 (in Russ.).

10. Kuchmaeva O. V. The ideal family model in the eyes of Russians and a strategy of enhancing the value of the family lifestyle. Economics. Taxes. Law. 2019. 12 (2), 70–82 (in Russ.).

11. Antonova N. L., Shcherbakova M. V. Marriage selection: turn to rationalization. Discussion. 2017. 8, 44–47 (in Russ.).

12. Ivanova A. A. Gender peculiarities of matrimonial behavior of youth in the city of Astrakhan. Science Journal of Volgograd State University. Ser. 7. Philosophy. Sociology and social technologies. 2015. 1, 50–58 (in Russ.).

13. Gordeeva S. S., Zyrianova A. N. Strategies of marital behavior of three generations of citizens (based on a Perm case study). Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2017. 6, 284–293 (in Russ.).

14. Meshcherkina E. Ju. Qualitative methods in gender sociology. Gender kaleidoscope: a course of lectures. M.: Academia, 2002. 169–187 (in Russ.).

15. Kvale S. Research interview. M.: Smysl, 2003. 301 (in Russ.).

16. Logunova L. Yu. Humanistic sense approach in microsociology. Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts. 2015. 2 (2), 64–68 (in Russ.).

17. Chekhovskii I. V. Interview as a tool to obtain information in qualitative research strategy. RUDN Journal of Sociology. 2009. 4, 20–25 (in Russ.).

18. Shpakovskaya L. L. Social exclusion: Opportunities for sociological study using a case study strategy. Case-study – educational and research experience in an interdisciplinary context: coll. of sci. art. on the results of the interdisciplinary sci. seminar of the personnel reserve «Problems and prospects of using case-studies: interdisciplinary experience», May 30–31. 2013. Saint-Petersburg, 2014. 67–87 (in Russ.).

19. Kozina I. M., Serezhkina E. V. The concept of a case study in the social sciences and the French monographic tradition research of labor organizations. Sociological Studies. 2015. 1, 64–73 (in Russ.).

20. Yarskaia-Smirnova E. R. The narrative analysis in sociology. Sociological journal. 1997. 3, 38–61 (in Russ.).

21. Gotlib A. S. Narrative analysis in the field of sociology: opportunities and usage problems. International journal of cultural research. 2013. 1, 9–14 (in Russ.).